ена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

литературно-художественный журнал ТУЛ. А.П.П.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР. ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ:

ЗЕРНО — А. Безымянный и Н. Рудерман.
В ТРИ ДНЯ — Я. Лукьяненко.

СТИХИ:

ВО ВЕСЬ ГОЛОС — В. Маяковский.
НАША ВЕСНА — П. Романов.
СТИХИ О ПАРОВОЗЕ — Б. Полевой.
17 АПРЕЛЯ — Борис Ковынев.
В СОРЕВНОВАНИЕ — С. Захаров.

ОЧЕРКИ:

УДАРНЫЙ — А. Силин.
ОГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — Ив. Костин.

СТАТЬИ:

УНАСЛЕДОВАТЬ СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ „ПРАВДЫ" — П. Серебренников.
СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ (о Маяковском).
К ЛЕТНЕЙ РАБОТЕ — С. В—н.
„НАТИСК" — Ив. Злой.
НАША САМОКРИТИКА — Ив. Ванин.

01 М 129

Апрель 1930 года. № 4 (41)

УНАСЛЕДОВАТЬ СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ „ПРАВДЫ"

(КО ДНЮ ПЕЧАТИ).

П. Серебренников.

„Печать—единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с классом на своем, нужном ему языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата в природе не существует„.

(СТАЛИН)

ХАРАКТЕРНАЯ особенность советской печати в отличие от буржуазной и социал-демократической состоит в том, что она делается руками миллионов трудящихся. Каждая наша газета является не только газетой для рабочих, но и самих рабочих. Вот почему день печати, который мы будем отмечать 5 мая, должен носить массовый характер; юбилей большевистской печати должен приковать к себе внимание широкой пролетарской общественности.

Буржуазная печать, именующая себя «шестой независимой державой», также из года в год устраивает свои юбилеи. Вот, недавно, например, одна известная немецкая буржуазная газета с большой пышностью праздновала одну из своих годовщин. На устроенном ею званном балу присутствовал цвет буржуазного общества и «почетные гости» из социал-демократической партии. Отмечая св и юбилеи, буржуазная печать проверяет, насколько она выполняет задачи, возложенные на нее ее класс м, насколько верно она служит интересам своих хозяев, насколько умело проводит буржуазное влияние на широкие массы трудящихся и мелкой буржуазии.

День большевистской печати у нас из года в год является генеральным смотром, генеральной проверкой всех наших газет, начиная от стенной и кончая «Правдой». В этот день большевистская пресса подытоживает свои достижения, проверяет свою классовую боеспособность, умение поднимать широкие пласты трудящихся города и деревни на борьбу с трудностями социалистического строительства. В день печати газеты привлекают многомиллионных читателей к выявлению и критике недостатков печати для того, чтобы устранит их и достичь еще больших успехов в своей работе.

Советская печать, в отличие от буржуазной, нисколько не скрывает, а наоборот подчеркивает свой классовый, партийный характер. Наша печать и не думает именовать себя «независимой» державой, ибо она создана пролетариатом, его партией и призвана помогать им в борьбе за победу социализма. Задачи советской печати целиком вытекают из задач пролетариата и партии. Пролетарская печать есть составная, неразрывная часть пр легарской диктатуры.

На данном этапе социалистической реконструкции главная задача печати состоит в том, чтобы мобилизовать массы трудящихся города и деревни на осуществление генеральной линии партии, на борьбу с многочисленными трудностями, стоящими на пути социалистической переделки нашей страны, и в том, чтобы давать беспощадный отпор всем проявлениям оппортунизма, особенно правому уклону, и всем мелкобуржуазным шатаниям и колебаниям в рабочем классе.

В день печати вся наша пресса должна проверить, сумела ли она выполнить эти важнейшие задачи. Это тем более важно, что мы стоим накануне 16 с'езда партии, который несомненно сыграет в истории нашей партии исключительную, историческую роль. Накануне своего 16 с'езда партия будет проверять, как на всех участках социалистического строительства преломлялась генеральная линия большевизма. В этой проверке печать должна будет сыграть одну из наиважнейших ролей.

Бесспорно, что наша печать за последние годы имеет большие достижения. Она сумела сделать понятным и довести до глубинных низов рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства лозунги партии: «Догнать и перегнать капиталистические страны» и «Выполнить пятилетку в четыре года». Печать сумела развернуть вокруг этих лозунгов большую массовую работу, в частности ей на ряду с комсомолом принадлежит инициатива социалистического соревнования. Печать довела до масс лозунг партии о развертывании самокритики «невзирая на лица» и в основном не плохо боролась за то, чтобы самокритика стала основным методом в работе всех организаций рабочего класса.

Однако, печать еще имеет ряд крупнейших недостатков, и главный из них это го, что печать хромает на обе ноги по части темпов, за которые она сама беспощадно бичует профсоюзы, хозяйственные органы и т. д. О прорывах в выполнении промфинплана печать забила тревогу лишь после окончания первого квартала хозяйственного года и январского обращения ЦК. Спохватись наши газеты немного раньше, возьми они под свое наблюдение выполнение производственных программ с первого же месяца хозяйственного года, результат первого полугодия был бы несомненно совершенно иным. Борясь за большевистские темпы, наши газеты, в первую очередь, сами должны овладеть этими темпами и перестроить всю свою работу на действительно ударный, оперативный лад.

Нужно помнить, что за невыполнение промфинплана, неумелое проведение коллективизации, плохую перестройку профсоюзов «лицом к производству», прорывы и гнойники в том или ином советском или хозяйственном аппарате печать отвечает наравне со всеми другими организациями рабочего класса. Плох тот журналист или рабкор, который сч.тает, что «мое дело написать, а там и трава не расти». Роль печати сейчас и ее ответственность перед рабочим классом и партией во много раз выросли. Печать должна достичь того, чтобы каждая заметка била в цель, приносила ощутимые результаты. Не будет преувеличением сказать, что основная работа газеты теперь начинается уже после появления заметки. Газета через свой рабкоровский актив, устанавливая теснейшую связь с каждым предприятием, цехом, должна добиваться того, чтобы та или иная заметка тотчас же находила живой отклик, чтобы по ней тотчас же принимались решительные меры.

Многочисленные недостатки, имеющиеся на всех фронтах нашего строительства, являются в то же время и недостатками печати. Вот почему самоубаюкивание, самовосхваление, нетерпимые во всех о ганизациях рабочего класса, тем более вредны для печати. В нашей стране пролетарская печать является монополистом печатного слова, ей не приходится конкурировать с печатью других классов. Нужно, чтобы печать на своих страницах сама себя критиковала, чтобы одна газета вскрывала ошибки другой, чтобы руководящие органы печати помогали низовой печати и т. д.

Особое значение на данном этапе приобретает низовая печать, имеющая десятки тысяч своих ответвлений на предприятиях и в деревне и об'единяющая вокруг себя сотни тысяч рабкоров. Авторитет низовой печати за эти годы неимоверно вырос, цеховки, многотиражки имеют огромное влияние на всю производственную и общественную жизнь фабрики, завода или села, а между тем партийные организации не уделяют низовой печати должного внимания, не руководят ею и не помогают.

Очень типичным является такое положение, когда группа энтузиастов, об'единившаяся вокруг редколлегии, творит печатное слово, не имея никакой поддержки со стороны. Многие партийные ячейки не считают работу с рабкорами и руководство низовой печатью своей составной работой. Очень часто ячейки опекают стенные газеты, дергают их, нанося ущерб самокритике. В день печати партийные ячейки и все другие организации рабочего класса должны проверить, все ли ими сделано для помощи пролетарской печати.

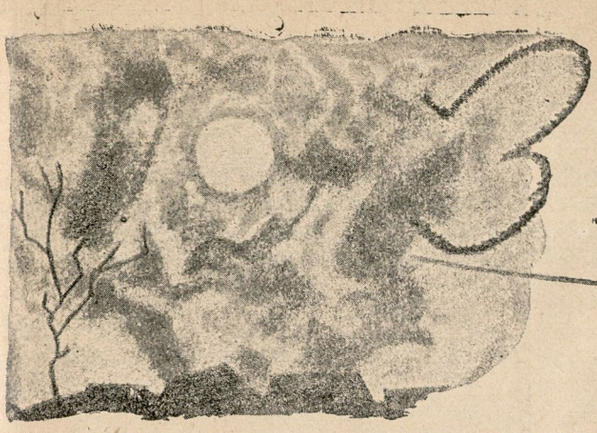
День печати должен содействовать вовлечению в рабкоровские ряды новых тысяч пролетариев из среды лучших производственников. Величайшие задачи, стоящие перед нашей печатью, требуют того, чтобы рабкоровское движение стало еще более массовым, чтобы место рабкора-одиночки заняли рабкоровские бригады, начинающие играть в каждой газете все большую и большую роль.

Широкая самокритика, которую необходимо развернуть вокруг работы газет в день печати, должна помочь очищению рабселькоровских рядов от всего чуждого и классово-враждебного, что имеется в их рядах, должна помочь разоблачению лжерабселькоров, прикрывающихся этим почетным званием для чуждых пролетариату интересов.

День печати связан с юбилеем славной большевистской «Правды», зародившейся в годы революционного под'ема и сыгравшей в истории нашей партии огромную роль агитатора, пропагандиста, коллективного организатора масс и стойкого борца за чистоту большевизма. На традициях «Правды» должна воспитываться вся наша печать.

Мы должны научиться у «Правды» сочетать борьбу за конечные цели пролетариата—за социализм с свирепой большевистской борьбой с конкретными носителями зла, со всем тем, что задерживает нашу победу над остатками капитализма в нашей стране.

Мы должны научиться у «Правды» вести непримиримую борьбу на два фронта: против остатков троцкизма, «левых» загибов, в особенности против главной опасности на данном этапе—правого уклона и примиренчества к нему.

Зерно

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР. ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

Рассказ-быль Ан. Безымянного, Рудермана.

Этот рассказ весь основан на действительном событии. Он является первым результатом поездки группы литкружка рабкоров в Белевский район на проведение весенней посевной кампании.

Ветер разогнал облака, солнце горячим золотом лучей согрело землю, дышащую паром зяблевой вспашки. Земля готова в пуху чернозема укутать зерно.

— Ведь, кажись, как крепко стояла дубом упрямым наша Дубянка — и та сдалась! — сказал крестьянин-бедняк Митин на одном из сходов.

Дубянка—стародавняя крепость кулацкая—вздохнула первый раз за сотни лет полной грудью.

До поздней ночи выспрашивали у приехавших с завода рабочих-бригадников о колхозах, чутко прислушиваясь к ответам докладчиков. А вопросы сыпались всякие:

— А как быть старикам-инвалидам? Правда, говорят, их к стенке ставить будут?

— Скажем, к примеру, я не пойду в колхоз: значит, и землю отберут?

— Да неужто трактор будет?!

— А что, попадья балакает, как ежели баб в общее пользование отдавать будут?

— Мы как: на зарплате будем, аль натурой?

— Да, может, и не нужен он, колхоз-то...

Говорили... Шумели. Молчали: думали...

Первыми, как это ни странно, решили «бабы»: 40 беднячек:

— В колхоз!

И многим невдомек было: «Весна, что ли, нонче сумасшедшая такая»...

А тут еще другое событие: из соседнего села делегаты пришли, вызывают на соцсоревнование. Дубянцы своих делегатов направили с ответом:

«ВАШ ВЫЗОВ ПРИНЯТ:
ОРГАНИЗУЕМ У СЕБЯ КОЛХОЗ».

Так село Дубянка, Белевского района,
пошло
в социалистическое
наступление.

«Брось, богом просим.
А не перестанешь агитировать за колхоз—хуже будет».

— такую записку нашел у себя бедняк Гришин, только и живший последнее время одной мыслью, одним делом: колхоз, сев, зерно...

Не приходится долго ломать голову над прилепленной к окну запиской: уже третье «предупреждение» получает Гришин от кулачья.

— Ничего, не запугают! Поборемся еще!

Встает перед глазами только что закончившееся собрание:

... Шум, гам, сизые туманы от едкой, щекочущей гортань махры. В ярких сарафанах—бабы и девки, словно выступившие в соревнование по лузганью семячек. Летит шелуха во все стороны. Доклад представителя колхоза, двадцатипятитысячника Смирнова, рабочего тульского патронного завода. Вопрос один: зерно.

— Мы выполнили 80 проц. засыпки, товарищи! Где взять еще 20 процентов?

Тихо в накуренной до синевы избе. Ломают мозги сельчане, ломает тяжелой складкой лоб докладчик. Не летит больше шелуха...

В это время, даже кулаки Беспалов, Изволев, Селиверстов, сгорбившись перед окном, перебегали взглядом с докладчика на пол, потом на крестьян... Чувствовали, что в их амбарах лежит разрешение вопроса.

* * *

Задумался Гришин, присев на завалинку избы.

«У бедняка зерна нет. Где же его взять?.. Разве что... Кулаки? Выход найден, правильный выход: ликвидация

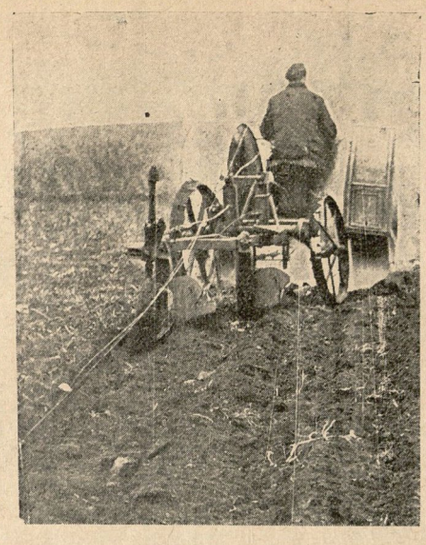
Врезываются плуги в теплый чернозем...

кулачества, как класса... Выбить производственную базу из-под ног кулака...

— Эх, елки-палки! Врете: колхоз будет!

Ночь. Темь. Влажный, ласкающий с материнской нежностью разгоряченное тело ветерок. Река, убегающая серебряной змейкой вдаль... Изба Гришина самая крайняя. Прилепилась, как гнездо ласточкино, над обрывом...

Фото Громова.

Ломая межи, колхозный трактор оставляет позади старую беспросветную жизнь деревни, врываясь в новую социалист. жизнь.

— Ну, пора и на боковую!— Звякнула щеколда калитки, скрипнули ржавые петли...

Но не спал и враг. В темноте не видел Гришин никого, лишь почувствовал, как впилась в его тело сталь...

— А-а-а!.. По-о-о-мо-ги-те-е!..

Рванулся, напряг мускулы, пытаясь разжать пальцы, сдавившие его горло... С нечеловеческим усилием поднял голову... При бледно-зеленом свете луны, выплывшей из-за лохматого полушубка туч, увидел: хищный, звериный оскал зубов, зеленоватые волчьи глаза... Гришин узнал Изволева, первейшего бандита на селе, подкулачника...

Две тени слились с чернотой ночи. Это были Изволев и кулак Селиверстов.

На утро нашли тело Гришина с двенадцатью ножевыми ранами.

* * *

Изба председательсовета Рудина. Весело подмигивает пузатый самоварчик. Заботливая хозяйка следит за тем, чтобы не пустовали чашки.

— Эх, Митрич, дела-а... — потянулся на табуретке предколхоза, бригадник Смирнов.

Когда-то (давно, кажется, а, ведь, и всего-то каких-нибудь 10 годков прошло!) был Смирнов комбригом, в боях рос, в кровавых боях знакомился с жизнью... Кругом—кровь, смерть, пули. Привык спать в седле.

— А думаешь, товарищ, кончился бой? Нет! У нас опять те же комбриги и комроты. Только война немного не та: с старою деревней, с межой, с кулаком,—вот с кем бьемся!

Подперев голову, закинул глаза куда-то вдаль Смирнов, расширились ноздри, будто улавливая в едком дыме цыгарок щекочущий горло запах пороха.

— Ну, как там у нас с зерном-то?—первым нарушил молчание Рудин.—Ведь, со дня на день надо ждать выхода в поле!

— С зерном как говоришь?—отозвался член колхозного совета Матвей Кочкин.—Как, значит, Селиверстовато с Беспаловым забрал, конфисковали имущество, да нам, колхозу, передали, там, сам знаешь, и зерно нашлось... Так-что зерно есть!

Матвеич опустил голову, прихлебывая горячий, обжигающий рот чай.

— Да а... Зерно есть...—повторил Смирнов.—И мужики-то совсем иные стали. С тех пор, Митрич, как... Гришина... со цветами... Да. Тяжело было...

— Да, товарищи, трудно достался нам колхоз: кровью досталось зерно... Ну, да ладно! Тем дороже будут всходы, тем зорче будем беречь колхоз!..

* * *

Золотым дождем брызнуло из-за разорванных облаков солнце и залило теплом широкую поляну. У дороги, в двух концах села, напряженно татакали сортировки. Растут горы зерна, молодые коммунарки работают с неугасающим жаром.

— Эй, Анюта, не отставай!

—«Эх, д'мой миленок заболел,
Ничего не кушает.
Трубки на уши надел
Умны речи слушает!»

— Толкай, Катя-я!

— Захожу это я в избу к дяде Проньке: рядом с иконами—Сталин. Эх, дела-то, мать честная!

— А на триере-то наши есть?

— Мы с Пашкой отработали, теперь другая бригада.

Завели бесконечные переговоры сортировки на селе. Кипит в амбарах работа. Журчит зерно, падая в мешки. Разрумянившиеся, припудренные пылью девушки тонут в зерне. Взрослый колхозник вертит ручку триера.

— А ну, веселей, девки! По конвейеру!—А-а, наше вам, товарищ Сашка! Берись-ка вот... Покрути, браток!

— Эх, жисть-то!

С раннего утра до позднего вечера бьет ключем работа. Льется зерно, готовится к севу. Весело перекрикиваются молодежные бригады под аккомпанимент бодрого татакания сортировок.

* * *

— Бригадники, все тут?

— Кажись, все собрались, товарищ Смирнов!

В избе с вывеской | сельсовет | собрались колхозники.

— Итак, разрешите, товарищи, расширенное совещание ударных бригад по севу считать открытым... На повестке дня—сев. Давайте выкладывать, как распределить нашу силу, значит, чтобы была она реальна и рентабельна...

Тесно, жарко в избе. Все сгрудились поближе к столу, где весело мигает лампа, освещая папку с делами, где упрямо морщит лоб предколхоза Смирнов.

Горячо обсуждали бригадники сегодняшние дела колхоза. Простые слова были полны горячего энтузиазма, и в простых, корявых фразах о севе, комактиве, зерне, о письме Сталина слышался голос социалистических будней деревни.

Бодро звенели слова Смирнова, зачитывавшего проект внутриколхозного договора соревнования...

«Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся: 1. Закончить сев на 5 дней раньше установленного срока, проведя всю работу в 15 дней.

2. Использовать живой и мертвый инвентарь на все 100 процентов.

3. Изжить отлынивания от работы без уважительных причин.

Наша печать помогает и содействует в нашем социалистическом строительстве. Она—истинно массовый рабочий орган. Многотысячная армия рабкоров и селькоров через свое печатное слово уверенно и энергично двигает вперед наше социалистическое строительство.

4. Улучшить качество работы, не допуская агрехов (пропусков при пахоте) и рассыпки зерна при севе».

Вносятся обильные поправки в договор в ударном проведении сева. Разгораются прения.

— Не длинный ли договор-то, ребя? Словно библия!— замечает дед Аким Губарев.

— Ничего, дедка, выполним! А насчет библии—в антирелигиозном кружке послухай!

— Ты, молодчик, не ори на счет бога: он здесь не при чем...—отмахивается Аким.

— Там насчет «кухтреста» нету, надо его в сев-то подтянуть!

— Правильно: «экономная трата продуктов при своевременном изготовлении пищи»...

Договор заключен. Медленно расходятся по домам колхозники. Гаснет на столе лампа.

— Эх, кум, весна-то нынче! Да и работы-то...

— Ничего, справимся! И Врангелев били... Возьмем и землю!

Долго еще не спит деревня...

* * *

Утро село встретило песнями, ярким кумачем флагов. Спозаранку начали стягиваться к сельсовету живые нити. Официально день начался митингом. Один за другим выступали хлеборобы, один за другим говорили, что кулакам конец. Старому возврата нет. Колхоз никому не позволим разрушить.

И на многие, многие годы сохранит наша память эти картины: широкая, набитая взволнованными колхозниками поляна...

Когда расходились по амбарам крестьяне, и солнце, выплыв из-за бугра, позолотило верхушки склоненных над прудом лозин и весело запрыгали зайчики по резным конькам крыш, ветер затеял веселую игру с клочками бумажек. Этими клочками были торжественно разорванные на митинге самими крестьянами заявления о выходе из колхоза.

28 колхозниц прошли курсы Колхозсоюза и раз'ехались для работы в колхозах.
На снимке колхозницы-курсантки.

* * *

К общественному амбару, позвякивая связкой массивных ключей, подошел предколхоза Смирнов. Не спеша, как хороший хозяин, повернул несколько раз ключ в скважине замка и распахнул половинки дверей. Солнечный луч ворвался в амбар и запрыгал белым зайцем по рогожам, прикрывшим зерно. Вокруг амбара все колхозники—с телегами на певучих колесах, с плугами, с развалившимися на спинах и сверкающими остриями зубьев боронами.

Первый выезд в поле.

— Никитин!—выкрикивает по списку Смирнов.

— Тута,—отвечает торопливо крестьянин в русской вышитой красными маками рубахе.

— Трогай!

И первый плуг отправляется «в дальнее плавание».

— Самохов!

Фото В. Павловича.

Рудневский колхоз, Тульского района, в который вошло до 100 крестьянских хозяйств, приобрел на складе Кредсельсоюза 20 плугов, 4 сеялки, 3 косилки, 3 жатки и молотилку.
На снимке колхозники увозят покупки.

— Здесь!

— Ильин!

— Тут!

— Петров!

— Чичас!

— Тро-о-о-га-а й!

И длинной вереницей тянутся запряжки, отправляясь в первый коллективный рейс. Поля уже расцвели ярким кумачем рубах и цветами сарафанов, а в деревне все еще выкрикиваются фамилии.

— Чуркин!

— Тут!

— Во дед, дела-то где!

— Ванин!

— Да, сынок: один—пустяк, а сообща сила...

— Тут!

— Аким Губарев!

— Трогай дед!

— Здеся-а...

— «Ах, ты, кумушка-кума, д-кумаче-о-вая».

— Трогай, бездельник!

По бокам каждой запряжки—пара «шпингалетов» в тятькиных пиджаках, с длинными рукавами и чересчур залатанными коротками штанишками.

— Сейчас им не до «бабок»: надзор за родителями—не фунт изюму.

— Папка! Ты чего остановился? Трогай, а то запишу...

— Уйди от греха, сопливец!

— Ну, писать?

— Да отвяжись, ты! Но-о, «Васек»...

«Шпингалет» добился своего: трогается лошадь с плугом и вдогонку папеньке летит:

— То-то... Недаром ведь я в бригаду записался.

Врезывается плуг в теплый чернозем. Необычайный вспыхивает под'ем колхозников, растекается по полевым просторам.

Сутулится за плугом предколхоза Смирнов, а в голове образы, думы, такие же богатые, сочные, как этот вот чернозем.

... Переродилась заново деревня; перевернулось все, словно под стальными плугами новь...

В поднятый чернозем ложится золото—зерно.

Ударный

Цементный цех Косогорского з-да.

Разбивают чугунные чушки.

Литье пошло.

(Очерк А. Силина).

ЗВАНИЕ ударного обязывает. И обязывает очень многому. Прежде всего сделать социалистическое соревнование системой, методом труда.

Обязывает выполнять и перевыполнять производственный план.

Обязывает быть примерными во всех областях общественной и хозяйственной жизни.

Знали все это рабочие Косогорского имени Дзержинского завода. И твердо решили так именно работать, когда на торжественной конференции 3 февраля постановили:

— От ударных бригад и цехов мы переходим к ударному заводу!

— Работая по-ударному, мы добьемся перелома, и наш завод, из-за прорывов шагающий к черной доске, повернем к красной доске!

* * *

Дать такие обязательства — это значило взять на себя очень многое в условиях такого завода, как Косогорский.

Доменные печи этого завода—прямо какие-то музейные экспонаты старые, капризные. Единственная механизация—это под'ем руды, кокса и камня. Остальное—дедовскими способами. От эстакад к под'емнику руду, камень и кокс подвозят «катали» в ручных тележках по устланному чугунными плитами «катальному двору». Сама тележка порожняком килограммов триста весит.

Камень разбивают кувалдами, нагружают тележки лопатами. Конвейер, транспортер, камнедробилка и пр.— это все в доменном цехе незнакомые вещи.

В таких условиях повышать производительность труда, повышать качество продукции, удешевлять ее— дело почетное, но нелегкое.

С тем большим под'емом взялись косогорцы за работу по-ударному.

* * *

— Мы раньше в подачу давали три вагонетки, организовавшись в ударные бригады—стали давать четыре, а на ударном заводе дадим пять вагонеток,—заявили катали доменного цеха.

Формовщики не отстали:

— С пяти пар мы переходим на четыре пары!

— Добьемся меньших простоев печи,—вместо 30—40 минут будем клапаны менять за 8 минут,—обязались механисты.

Кто больше, кто лучше, кто быстрее!

Соцсоревнование развернулось по заводу. Включились специалисты, взялись за организацию технических кружков, оборудовали производственный уголок в доменном цехе.

Специалисты цементного цеха приняли шефство над ударными бригадами и отдельными ударниками.

* * *

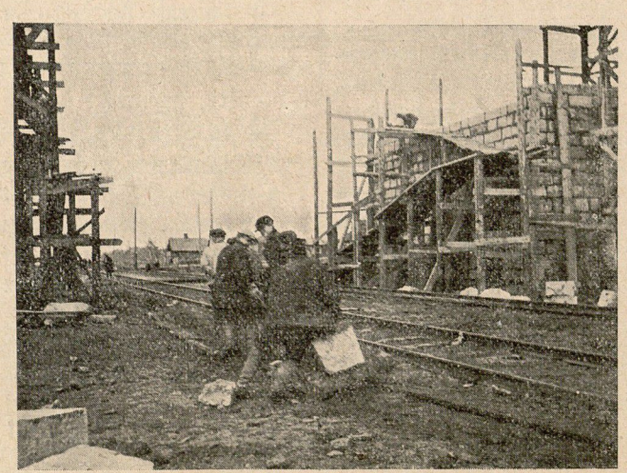
Перелом состоялся. Дело пошло на под'ем. Солидный толчек дала отчетно-перевыборная кампания цехпрофбюро и завкома.

Мы привыкли все оценивать фактами и цифрами. На основании этих показателей оценим и работу Косогорского завода.

Явка рабочих на отчетные и выборные собрания составила 82 проц. только в одном цехе, а в остальных—97—100 проц.

Это говорит об активности рабочих. Мартовская программа по выплавке чугуна выполнена на 108 проц., полугодовая—на 100,2 проц. Себестоимость тонны чугуна с 77 р. 98 к. в феврале снижена до 69 р. 50 к. в марте (по плану себестоимость должна составить 66 р. 67 к.). Уменьшился расход кокса, руды и камня на единицу чугуна.

Цементщики показали пример поистине ударной работы: вместо 30.000 бочек цемента по плану в январе они дали 42.000 бочек, в феврале вместо 30.000—40.000 бочек и в марте вместо 34.000—

Стройка растет.

41.000 бочек. Себестоимость бочки цемента—вместо 4 р. 12 к.—4 р .01 к.

* * *

Цех сборки текстильных машин оружейного завода в подарок XVI с'езду партии решил перевыполнить апрельскую и майскую программы, выпустив вместо 57 65 ватер-машин.

— Нашему примеру мы зовем последовать рабочих всех заводов СССР!—призвали оружейники.

На этот призыв решили косогорцы ответить еще большим под'емом соцсоревнования.

Бурно растущая социалистическая промышленность требует от черной металлургии напряжения всех сил, всей энергии для того, чтобы дать возможно больше чугуна, лучшего качества и дешевой себестоимости.

Для косогорцев это означает: минимум простоев доменных печей, максимум выпуска чугуна.

В ближайшее время домна № 1 становится в ремонт Старушка - домна № 2 будет работать одна.

Доменщики решили: домна № 2, работая одна, должна дать в сутки на 10—15 тонн чугуна больше, чем намечено программой. А домна № 1 обязана вернуться в строй возможно скорее. Трест требует закончить ее ремонт в 35 дней. Раньше намечался ремонт в течение чуть ли не двух месяцев. Но ударники должны работать энергичней:

— Ремонт закончить в 30 дней!

Административно-технический персонал тоже не дремлет. Он решил выдувку произвести по новому способу, который в СССР будет применен впервые: не взрывать «козла» (оставшийся в домне застывший чугун), а жидкий чугун выпустить через горн. Это будет блестящей технической победой косогорцев.

А цементщики, все время идущие сверх плана, решили в подарок с'езду поднести на 5000 бочек цемента больше, чем намечено соцдоговором.

* * *

Такие результаты дают право Косогорскому заводу на звание ударного.

Но звание это еще больше обязывает всех рабочих завода, все заводские организации решительно взяться за выкорчевывание еще очень многочисленных недочетов, имеющихся на заводе.

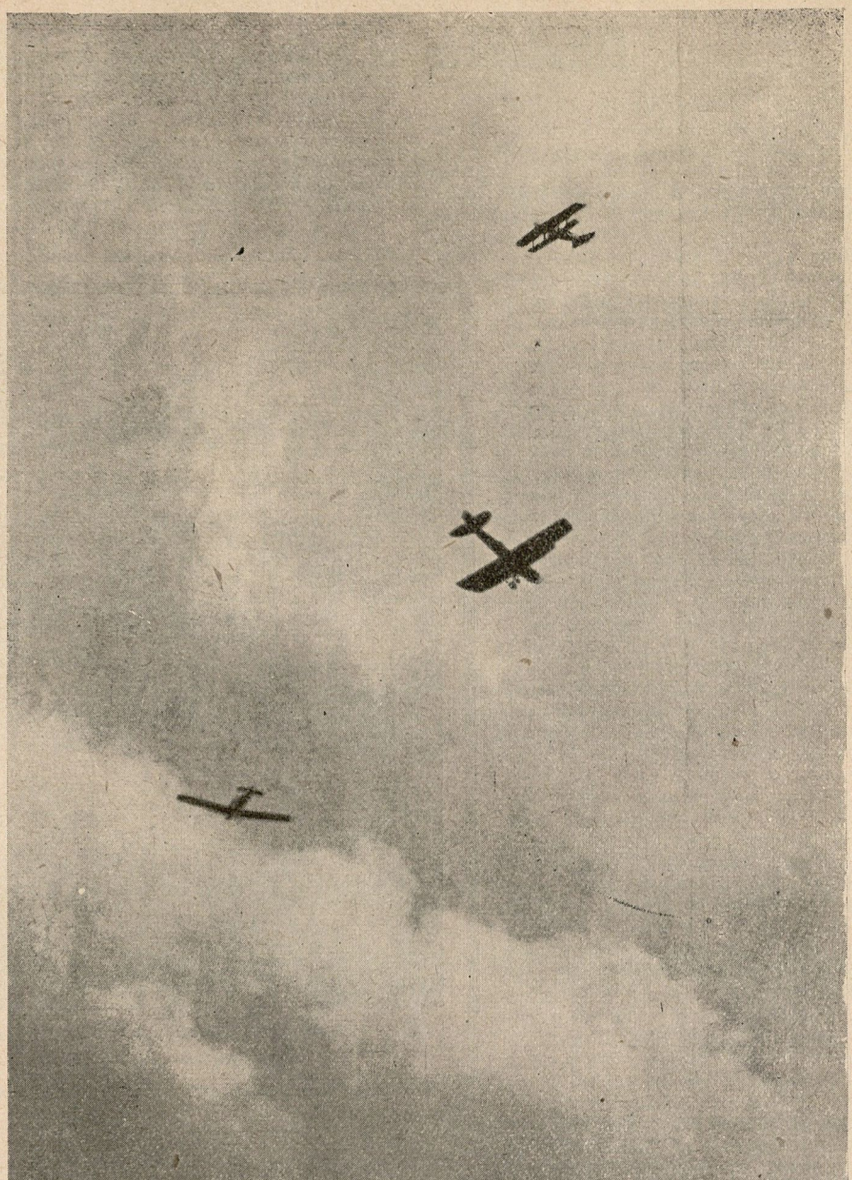
Звание ударного обязывает косогорцев еще выше поднять знамя социалистического соревнования.

Косогорцы, к красной доске!

На фабрике „Феникс" по проекту инженера Захарова строится новая фернизная печь, значительно уменьшающая вредность производства и дающая до 40 тысяч рублей экономии в год. На снимке т. Захаров у фернизной печи.

На страже социалистического строительства.

Наша воздушная оборона. *Фото-этюд Розенберга.*

Наша задача—создать классовую литературу, открыто связанную с пролетариатом. Именно такая литература будет свободной, ибо не корысть, а идеи социализма будут привлекать новую силу в ее ряды, ибо она будет служить десяткам миллионов трудящихся.

ЛЕНИН.

ВЛАДИМИР

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ.

Владимир Маяковский, поэт пролетарской революции, мастер поэтического искусства, нелепо, неожиданно оборвал свою жизнь, неразрывно связанную с борющимся классом. Найденный им выход не может быть оправдан, но его поэзия всегда будет призывать всех трудящихся к борьбе за социализм.

ЗАСТРЕЛИЛСЯ В. Маяковский, оставив огромной массе своих читателей, своим друзьям, товарищам по борьбе и работе признание в том что он, Владимир Маяковский, революционный поэт, кончает жизнь самоубийством, так как его «любовная лодка разбилась».. Воевавший в своем творчестве против всяких жалких «любовишек» и семейных, камерных драм, отдавший оружие своего художественного слова борьбе за новую жизнь, в которой не будет места маленьким, личным чувствам, он сам оказался жертвой цепкой силы старого мира. У этого огромного поэта, призывавшего миллионы трудящихся к революционной переделке жизни, нехватило сил для переделки своего собственного узко-личного семейно-бытового уголка.

Значение Владимира Маяковского в истории революционной поэзии, в пролетарской борьбе огромно. Начав свою поэтическую жизнь с борьбы против буржуазного мещанства, с индивидуалистического протеста против косности, пошлости, мерзости всего буржуазного уклада жизни, возглавив движение внутри поэзии за освобождение ее от эстетизма, от канонов мещанской лирики, от мертвящих пут различных школ и школок буржуазного декаданса, он с первых дней пролетарской революции стал ее союзником, поняв, что подлинный путь уничтожения пошлости, гнили и мрази буржуазного мира есть путь пролетарской революции. Переключив свой бурный и резкий протест против буржуазного строя и буржуазной поэзии в русло пролетарской революции, Маяковский объявил себя чернорабочим великой революции, и, как писал он в своем последнем стихотворения «Во весь голос», «поэт зализывал чахоткины плевки шершавым языком плаката». Мощную силу своего поэтического голоса поэт отдал плакату, агитке, высмеивавшей остатки прошлого в нашей жизни, бичевавшей всех пошляков старого мира, пытавшихся приспособиться к армии пролетариата, всех врагов и вредителей пролетарской революции.

Весь поэтический путь Маяковского был путем все большего и большего приближения к революции. И по мере приближения к рабочему классу все большей силой проникалось его творчество. Такие его произведения, которые войдут в историю революционной литературы в качестве ее лучших страниц, как «Война и Мир», «Сто пятьдесят миллионов», «Мистерия-Буфф», «Ленин», «Хорошо» и другие, ряд его послеоктябрьских стихотворений, являются наиболее зрелыми из всех произведений, написанных им. Нет сомнения в том, что если бы поэт остался жить, он смог бы преодолеть те изъяны в его творчестве, которые были результатом не полного усвоения мировоззрения пролетариата. Он смог бы вместе со всей пролетарской литературой строить диалектико-материалистический творческий метод, который дал бы поэту возможность охватить в своем творчестве всю нашу действительность, чтобы с пролетарской силой мобилизовать широчайшие массы трудящихся для решающих боев за социализм. Именно с этой целью, для большей успешности борьбы за органическое усвоение мировоззрения пролетариата Маяковский за несколько месяцев до своей, такой неожиданной, смерти заявил о своем желании вступить в ассоциацию пролетарских писателей и был принят в ее ряды, как один из самых близких пролетариату художников.

Владимир Владимирович Маяковский (последний снимок).

И вот Маяковский прервал свой общественный и поэтический рост выстрелом из револьвера.

Смерть Маяковского говорит еще раз всем художникам, по-настоящему желающим итти рука об руку с великим классом, осуществляющим социализм, о том, как сложна борьба со старым миром, его индивидуализмом, с его отвратительной цепкостью. Но творчество Маяковского говорит о том, что эта борьба окончится в нашу пользу. Только сила такой революции, как наша, могла сделать из индивидуалистического бунтаря Маяковского, поднимавшего в начале своего творческого пути индивидуализм, как знамя, художника революции. Отвергнутый Маяковским, но не преодоленный до конца индивидуализм дал себя знать с неожиданной разрушающей силой.

В своем предсмертном письме Маяковский обращается к рапповцам с просьбой не считать его малодушным. Но большевики не могут не считать малодушием его поступок, как бы ни были мучительны личные переживания, послужившие его причиной. Разве не писал Маяковский в прекрасном своем стихотворении, посвященном смерти Есенина, что «в этой жизни помереть не трудно,—сделать жизнь значительно трудней»?

Мы берем лучшее и подлинное в Маяковском, мы берем его творчество, в том числе и эти строки. Мы уверены, что лучшей памятью огромному революционному поэту Маяковскому будет дальнейшее развертывание борьбы за то, чтобы «сделать жизнь». Мы сомкнем наши ряды теснее. Мы пополним их теми, кто твердо решил до конца итти вместе с рабочим классом.

Борьба со старым миром, которую вместе с нами вел Маяковский, продолжается. Товарищи, будем вести эту борьбу еще упорнее, еще тверже, еще непримиримее!

Секретариат РАПП.

Пролетарии
приходят
к коммунизму низом,—
низом шахт,
серпов и вил.
Я с вершины поэзии
бросаюсь в коммунизм,
ибо нет мне
без него любви!

И песня,
и стих—
это бомба и знамя,
и голос певца
подымает класс,
и тот,
кто сегодня
поет не с нами,
тот
против нас.

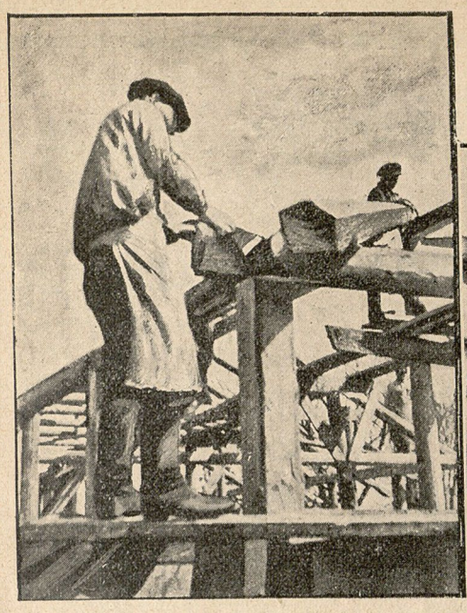
Я
всю свою
звонкую
силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс!

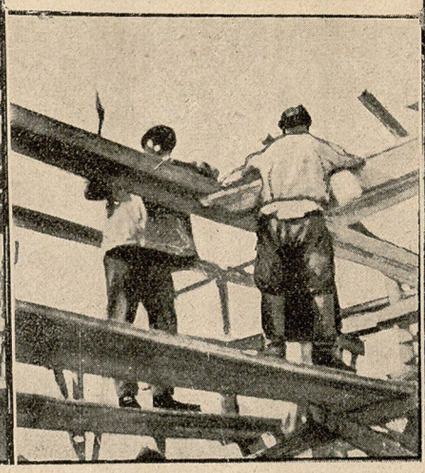
МАЯКОВСКИЙ.

ВО ВЕСЬ ГОЛОС. ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ ВЛ. МАЯКОВСКОГО.

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г...,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спро ите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило
Дочка,
дачка,
водь
и гладь —
Сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
Кудреватые Митрейки
мудреватые Кудрейки —
кто их, к чорту, разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живым говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, —
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
Я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все,
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
Он враг и мой
от'явленный и давний.
Велели нам
итти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком итти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безыменные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
Мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свеже вымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
В Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек

НАША ВЕСНА

С крыш капели,
Капели, капели,
Снег сползает с капелями вниз.
Отшумели,
Отпели метели,
Отсутулились в холоде дни.
Жизнь как будто
Расправила плечи.
Позабыта снегов кутерьма.
И на льдинах
Поднявшихся речек
Удирает трусливо зима.
И смотрю я
И вправо, и влево,
Погляжу я
Назад и вперед:
Всюду слышатся шум и напевы
Торопливых ручьев хоровод.

И опять
Прохожу я веселый,
С головою от жизни хмельной,
Там, где высится новый поселок
Над советской рабочей страной.
. . . . . .
Ах, поселок,
Ты многоэтажный!
Братцы!
Это ведь гордость моя!
Посмотрите,
Как стройно и важно
Корпусные отроги стоят.
И кричу я,
Что их у нас много!
Кто же скажет,
Что мы не сильны!..
Слышь, братва.
С старой жизнью убогой
Мы ударно покончить должны.
И иду я,
Иду с инструментом,
Тороплюсь,
Поспешаю рысцой.
Солнце ласк во-шелковой лентой
Обвивает лучами лицо.
С крыш капели,
Капели,
Капели.
Это ты — нашей жизни весна.
Отшумели,
Отпели шрапнели,
Но в пожаре
Как будто страна.

Петр Романов.

Стихи о паровозе.

В года грозы и голода,
Гремя по ребрам шпал,
Не ты ли выл за Вологдой?
Под Мурманом свистал?

И длинными прогонами
На полный взмах паров
Гремишь теперь вагонами
У новых городов!

Борис Полевой.

17-ое апреля.

С календаря взглянул апрель
Семнадцатым числом.
И в ноздри дунула метель,
И вьюгой понесло.

——

Передо мной вдлину и вширь
Страна острожных гирь.
Сибирь? — проклятая Сибирь, —
Любимая Сибирь.

——

Я молод. Цепи не таскал,
Но знаю жизнь в тисках.
Неволя, голод и тоска
На Ленских приисках.

——

Снега искрятся и горят,
Снега и волчий вой,
Бараки выстроились в ряд
Шеренгой гробовой.

——

Бегут дорожки вкривь и вкось
От их медвежьих тел.
Сибирский ветер их насквозь
Провыл и просвистел.

——

Баракам стало невтерпеж,
— Товарищи, в ряды!
Трудиться рады мы, но что ж
В награду за труды?

——

Я только помню, как во сне:
Закаркал пулемет,
И люди падали на снег,
На камни и на лед.

——

Упал отец, в крови нога,
А рядом сын и дочь...
. . . . . .
Шумит сибирская тайга,
Шумит и день, и ночь.

——

Передо мной вдлину и вширь
Страна острожных гирь.
Сибирь! Проклятая Сибирь, —
Любимая Сибирь!

Борис Ковынев.

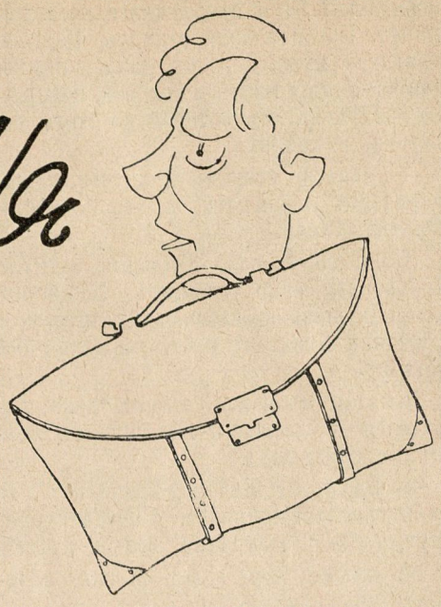
В соревнование!

В дыму былых столетий,
Ушедших на покой,
Таких деньков не встретишь
По кладовым веков.
Узнали мы,
Кто нам враги,
И на позор врагам:
— Товарищи,
Равняй шаги
По ленинским шагам!
Стальные и пшеничные
Гиганты новизны
Зовут нас перекличкою
Не падать и не ныть.
Сплотившись воедино,
Вспожарив славой даль,
Идем на поединок
За качество труда.
И знаем мы,
Кто нам враги
И на позор врагам:
— Товарищи,
Равняй шаги
По ленинским шагам!

Ст. Захаров.

Рисунки А. Лесного.

В тупи дня

Рассказ Я. Лукьяненко.

СУТИН и Сомов поехали в деревню Касауровку «добивать до конца сплошную».

Ехали и думали: «Вот, оно когда—дожили»...

Касауровка деревня старая, отсталая. Про это все знают и называют ее «диким островом».

Действительно, касауровцы—странные люди, все высокие, длиннорукие, сухие. При первой встрече касауровцы на коллективизаторов произвели самое тяжелое впечатление. Они стояли посредине Касауровки и не решались входить ни в одну из хат.

Спасибо один старик, Игнат, выручил.

— Вы что, коллективизировать приехали?

— Да.

— Пойдемте у мой дом. У моем доме вершаются все наши дела общественные.

Сутин и Сомов полезли в хату, дугой сгибая спины.

Мать честная и какая дикость! На полу чокает грязь. Направо ведро, налево—кадушка, у печки—свиньи, под лавкой куры, под столом ягнята. В одном углу сыро, в другом—сыро. С потолка каплет. Посредине избы корова блаженно жует жвачку. Под коровой хозяйка:—доит. Воздух избы—воздух шахты: спертый, крепкий.

— Товарищи, я сельуполномоченный, чего вам надоть?—сказал вошедший после всех.

— Собрание.

— Мы ментом!

Он действительно «ментом» повернулся и... исчез.

Приходили люди, крестились на потрескавшиеся иконы, здоровались, садились, спрашивали,— кто и как, зачем и почему. Закуривали медленно, степенно, прикуривая друг у дружки. Когда стало тесно—корову вывели, свиней загнали куда-то под печку, ягнят попрятали под нары.

Попросторнело.

— Откуда-ть?—сразу сказал вошедший Петька Словопеков.

Это было действительно необычно: первый вошедший не перекрестился.

— Из равиона,— ответил Сомов.

— Вон, что...

— А ты думал от коль-же?

— Ясно, думал из центру!

Сомов и Словопеков засмеялись. Они, оказывается, друг дружку давно знают.

— А я вот из округа,—похвастался Сутин и покраснел. Это его—отменная черта. Когда он что-нибудь промажет: скажет ли слово не то, или грубо выразится—всегда после этого тут же краснеет, как-будто это служило искуплением его совести, которая, кстати сказать, у него была чиста.

— Го-го-го!.. гы!.. а я гляжу, у нас у равионе такех, как ты, нетути. Гы, я всех по пальцам знаю, а вот такех, как ты, не встречал что-то.

Сутин измеряющими глазами посмотрел на безусого паренька, деревенского весельчака—Словопекова.

— По сицилизму приехали? —вдруг серьезно заговорил Словопеков, — она у нас почти построена, осталася самая малость — отдѣлать. Вот к примеру: я — комсомолец, на всю деревню—во,— и он показал один палец,— колхозников тоже столько. Ах, вот хорошо, как все примечательно складывается. Только это я вчера мечтал... вот если бы да кабы приехали из равиона, али из центру, тогда-б сицилизма и у Касауровке была б. Он глубокомысленно вздохнул. Ан, прямо не сон, а факт: не успел я подумать—сбылось. Вот темпы!—Он закатил к потолку круглые мутно-зеленые глаза.

— Как хорошо, примечательно сбылось,—обратился он к мужикам, наполнявших Игнатову избу собою и дымом.

Мужики на это ничего не ответили, только бросили шушукаться. Курили и курили дух захватывающий табак.

Сельуполномоченный, горбатенький мужиченка, созвал всю деревню. Касауровцы собрались от мала до велика. Тут были и женщины с детьми, и старики, и молодые, и девушки, и даже школьники.

Сутин обратился к собранию:

— Товарищи середняки и бедняки деревни Касауровки! Мы приехали к вам для постройки у вас колхоза с целью перехода к дальнейшему этапу—коммунизму...

Кто то выкрикнул:

— Кам-му-нию!..

Его смеясь подхватил другой голос:

— Да штой-то, граждане... Помещиков ограбили, буржуев раздели, кулаков обобрали, теперь до середняков с бедняками добираются?..

— Граждане, граждане, я призываю к порядочку,— визгливо кричал Петька Словопеков. Я, как честный, середняцкий комсомолец, призываю вас, граждане, к спокойствию. Хто это там подстрекает массы? Прошу удалиться, нам с вами не по пути и некогда руки пачкать об вас.

Но это не помогло—шум усиливался.

— Сельуполномоченные, я вам приказываю занять свои места и не допускать возраженьев против докладчика и тем более перерывов на слове!—разошелся Словопеков.

Но собрание не замолкало.

Слышался женский голос тонкий, визгливый, он как кнут свистел над головами касауровцев:

— Анчихристы! Идолы! Проклятые! Уходите от нас!

— Наши деды суком землю ковыряли и хлеба не поедали.

— Граждане, призываю вас к полному порядочку! Шум продолжался несколько минут. Потом начали стихать. Первыми замолкли мужики. Один, даже, с перевязанной белым платком головой, поднялся на кадушку, из которой до этого ела корова, и крикнул:

— Дорогие старики и матеря, прошу порядочек соблюдать, я это говорю,— Филька Хамов.

Это подействовало. Собрание затихло. Только движение усилилось. Женщины, накричавшись вдосталь, одна за другой покидали Игнатову избу, уводя за собой детвору.

Игнатий Иванович, хозяин дома, находился у дверей и выходившим женщинам наказывал:

— Бабы, не дремать, прячь все, а то с описью завтра придут. А когда пропишут, тогда хуть сдохни, все их будет.

За окнами, чорт знает на кого, заливисто брехали собаки.

Сомов сидел у стола и не знал, что делать. Напротив, Сутин необычно весело окидывал черными, как жуки, глазами утихающую и редеющую толпу.

Петька Словопеков ничего не хотел замечать. Он великолепно знал о том, что их район в целом коллективизирован на 90 проц. Осталось неколлективизированными каких-нибудь 5—6 маленьких сел, в роде Касауровки, да еще несколько пустяковых поселочков, о которых секретарь райкома комсомола на последнем совещании так и сказал:

— О этих касавуровках нече и голову ломать.

Петька Словопеков сидел на этом совещании и блаженно улыбался.

— Вот дожили...

Потом секретарь обратился прямо к Словопекову:

— Петька, тебе задание: во што-б не стало Касауровку сделать колхозом. Понял? Без этого не являйся в райком.

Весна в лесу. *Фото-этюд Коновалова.*

Тоже сказали и Сутину с Сомовым, когда они от'езжали в деревню. И Петька и Сомов это твердо усвоили и проводили в жизнь. Но Сутин колебался. Петька, темпераментный паренек, как кремень на искры,—богат на слова. Он махал кулаками около своего носа и для большего эффекта время от времени ударял себя кулаком в грудь. Он говорил речь перед затихшим и поредевшим значительно собранием.

— Я обращаюсь честно: деревне Касауровке последовать примеру меня и кривушан и всем селом вступить в колхоз... Советская власть—с колхозами. Мы должны быть с советской властью, а кто вне колхозов, тот значит против советской власти. Я, как честный бедняцко-середняцкий комсомолец, единственный на всю деревню, который вместе с вами живет и желает строить коммунизм, то я вас, граждане, упреждаю,—колхоз, о котором я вам сказывал, доподлинно есть в моей голове, и существует давно, и этот колхоз выведет вас из нужды и тьмы.

Словопеков говорил и говорил. Народ продолжал убывать.

— Петька откашлялся и продолжал:

— В первый день мы вынесем всеобщее постановление. Во второй день обобществим все: и коров, и шубы, и овец, и курей, и лошадей, и семена. И тогда мы будем все одинаковы, все поровняемся... Я вам скажу доподлинно: я ночи не спал—все головой разрабатывал...

— Ах, вы, товарищи, до каких же дней мы с вами дожили! Социализм в три дня! Да, думал ли кто нибудь из вас об этом? Я думаю нет, и даже самому черту и то наверное не снилось...

Оратор не унимался. Он продолжал, как по лестнице, взбираться все выше и выше, по ступенькам слов.

После речи Словопекова было выступил Сомов, но, убедившись, что по его размаху и темпераменту слишком мала аудитория,—раздумал и попросил задавать вопросы тов. Сутину, а сам вышел во двор.

Сутин попрежнему своими черными жуками глаз озирал малочисленную аудиторию. Он думал о неправильно взятой линии, но боялся об этом говорить: пришьют еще правый уклон за снижение темпов коллективизации. Что поделаешь?

— Вот вы из центеру,—задавали ему вопросы мужики, а скажите, какой в колхозе будет пай, а то Петька говорил много, но этого не сказал. Нам бы было антиресно знать?

Петька после своей речи, по вызову жены, покинул собрание—ушел домой.

Другой мужик спрашивал:

— Как будет распределяться работа у колхозе?

— На каких условиях будут обобщены жены и будут ли муж и жена считаться родными?—кто то смехом, не то в шутку, не то в серьез задал вопрос.—Дадут ли нашему колхозу кредит?

— Что делать если у колхоз не записывается жена?..

Сутин отвечал коротко и толково. Крестьянам понравилось. Он рассеял мнение, что будто будут обобществлятся жены. Но нашлись такие, которые возражали. Даже приводили примеры.

Между Сутиным и тремя десятками бедняков и середняков развернулась довольно живая и дельная беседа. Словопековский дым немного рассеялся, но угар был слишком большой...

В хату вошел Сомов. Он с видом заговорщика нагнулся к уху Сутина и сообщил:

— Ты, знаешь что, на деревне паника.

У Сутина расширились глаза.

— Я сам видел, честное слово, как вот суседская баба поперла узелище на гумно. Я проследил за ней, вышел на зады, посмотрел и глазам не поверил: почти на каждом гумне пыль столбом, разрывают солому, закапывают вещи.

— Это они наверное обобществляют,—полушутливо сказал Сутин. Но шутка была не у места.

Сомов разобиженно:

— Какой чорт?

Они вышли из избы Игната, оставив на печи крестящуюся старуху. Седой Игнат попоил лошадь и вывел за двор.

На улицах—ни души. Касауровка, казалось, замерла, и только свинячий визг, куриный крик, плавающая над гумнами пыль, скрежет лопат и цоканье вил показывали, что Касауровка живет самой интенсивной, бурной жизнью: она как бы ушла в себя, как черепаха в скорлупу, под которой стихийные силы раздирали ее на кусочки, на лоскутки, уничтожала скот, всяческую живность, зарывала лохмотья.

Сутин было хотел собрать собрание для разъяснения, но это оказалось неосуществимым. Он тотчас же отказался от своего намерения, перемолчал и даже не сказал об этом Сомову.

Сомов же нахмурился, как филин перед непогодой, курил и плевался по сторонам.

«Угар победы» и кулацкий заговор сделали свое дело.

Коллективизаторы уселись в санки. Игнатий Иванович сказал:

— С богом, родные!

Ему никто не ответил. Сомов тронул лошадь, и они поехали.

За селом им встретился Петька Словопеков.

— Ты куда?—спросил его Сутин

В сельсовет—разрешение взять на зарез коровы и овцы.

— Что это они у тебя?—осведомился Сомов.

— Ноги, проклятые, переломали.

— Да как же это они?

— Да так, прыгнули, вот и сломали.

Петька видел, что ему не верят.

— Вы, товарищи, зря нечестно думаете о Словопекове... Я што, я только середняцкий комсомолец,—говорил он, путаясь в словах.

Они с минуту ехали молча. Петька Словопеков шел с ними рядом. Касауровку еще было видно.

— А вон, посмотри на деревню, что делается! Уж больше, почитай, сто коров и столько ж свиней зарезали и овец тоже...—продолжая оправдываться Петька.

— Дурак!—грубо сказал Сутин и покраснел до самых до ушей.

— А ты?

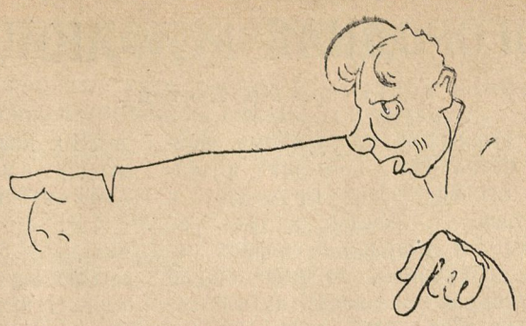
Сутин не ответил.

Сомов погонял лошадь, сердился. Словопеков еще что-то сказал, но Сомов с озлоблением ударил гнедую кобылу возжами по крестцу, та взяла галопом.

Касауровка с Словопековым скрылись.

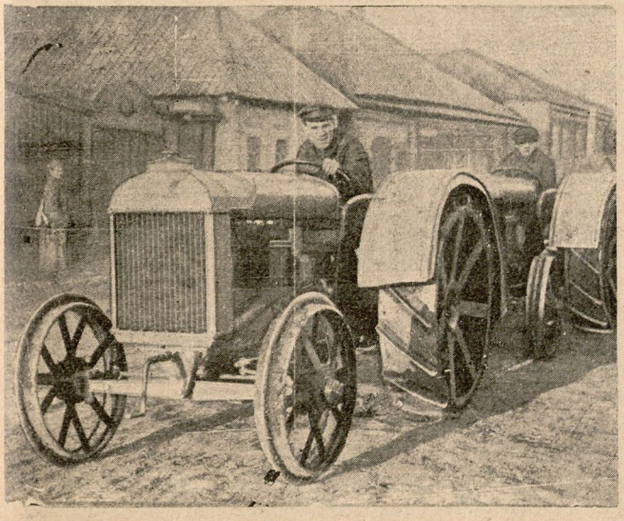
* * *

Через три дня риковцы обсуждали положение в районе. Ощупью находили верную линию. А еще через месяц значительная часть касауровской бедноты и середняков организовала артель с обобществлением рабочего скота, семян и земельных угодий.

— Я как честный бедняцко-середняцкий комсомолец...

Тракторная колонна в Скопинском районе.

На бой за новую социалистическую деревню.

ОГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Очерк Ив. Костина.

В душных и прокуренных комнатах ЦРК, в высоких и гулких мастерских Оружейного и и Патронного заводов десятки раз говорили и спорили, — спорили подолгу, до хрипоты, со всех сторон обмозговывая имеющее громадное значение для Тулы дело.

В договоре на социалистическое соревнование ЦРК и союза металлистов организация подгородного коопхоза была поставлена одним из первых пунктов. Пункт этот кричал, увлекал, приказывал...

И вот, наконец, он воплотился в цифру: 1269 гектаров, — вполне реальную, осязаемую цифру. Она — в расстилаемой тугими пластами земле за маленькими и низенькими домиками Мяснова, в сверкаемых бесчисленными лужицами и ручейками поемных лугах и срубах вырастающих строений на буграх поля.

Внутри построек — острый запах свежих стружек и шелест рубанков. Рабочие спешно заканчивают отделку штаба коопхоза «Тульский Металлист». Здесь будет временная контора и общежитие рабочих. Потом эти постройки заменит мощный дом на 450 чел., в котором будет красный уголок, общая столовая и отдельные комнаты для семейных рабочих.

Директор коопхоза т. Антишин, раздвигая улыбкой давно небритые щеки (дела все, побриться некогда), рассказывает, показывая на поле:

— У нас сейчас всего 1269 *га*, 300 *га* мы даем под огороды, 523 — под луга и 483 под разные полевые культуры. Дело заворачиваем большое. Коопхоз будет давать не только овощи. Мы построим коровник, свинарник, крольчатник и птичий двор. Сейчас закуплено 185 коров. К 1 мая мы будем иметь уже 300 коров, а к осени число коров будет доведено до 540. Кроме того, мы будем иметь 1500 свиней...

Тов. Антишин «входит в раж». Он достает карту, указывая границы коопхозовских владений. Они уходят к горизонту, к станции Плеханово, тающей в солнечном мареве...

100 плугов взрывают землю. Она налезает пластами на лемеха и жирными комьями рассыпается за ними.

100 лошадей шагают в ряд. Около них молча, сосредоточенно идут рабочие.

Полевая весна.

Коопхоз, своевременно приготовившись к работе, первый в районе выехал пахать. Крестьяне сначала смотрели на дружную работу коопхоза недоверчиво.

— Рановато, — говорили они. — Погодить можно.

— Раньше начнем — лучше сделаем, — заявили рабочие. — Земля у нас будет, как пух. Раза три пройдем по ней.

Пример заразителен. Вскоре коопхозники хрустальным утром увидели на соседней полоске мясновского крестьянина, тоже выехавшего пахать. За ним потянулись другие. Молодой коопхоз увлек за собой крестьян.

— Эх, трактор бы нам, — говорят рабочие.

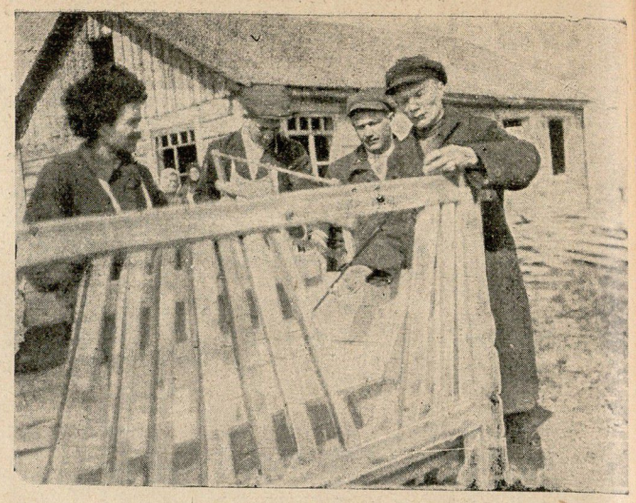
Трактор — мечта всех колхозников. Но пока только мечта. МОСПО волынит:

— Нам, — отвечает из Москвы, — нужны тракторы для подмосковных огородов.

Рабочие коопактивисты, принимающие ближайшее участие в организации коопхоза, создают бригаду для посылки в Москву:

— Трактор у тульского коопхоза должен быть!

Полдень. Бескрайною ширью уходят поля. Где-то высоко в синеве звенит невидимый жаворонок. Последние обрывки снега, оставшиеся во рвах, расплываются шумной, веселой водой.

Готовят датские кормушки.

Возле распаханной полосы у деревянных кормушек стоят лошади. Слышится хруст овса. Изредка одна из лошадей поднимает голову и смотрит на других, обмахиваясь хвостом. Лошади «обедают».

На сене полукругом расселись рабочие. Смех, говор. От котелков с супом, привезенным в термосах из столовой ЦРК, подымается пар.

— Во-как! В трех километрах от города горячий суп шамаем, — кричат они нам.

К директору подбегают двое. Один — в тяжелой зимней куртке и старомодном картузе, другой в синем костюме и клетчатой кепке. Они о чем-то просят. Директор записывает в блок-нот.

Эти люди — крупнейшие тульские огородники Ащулов и Памухин. К этому надо прибавить: бывшие. Коопхоз взял их на работу, как спецов; в специалистах у молодого коопхоза ощущается большой недостаток. Со временем он будет изжит. ЦРК уже организует курсы по подготовке специалистов огородного дела. На курсах будут заниматься коопактивисты-рабочие заводов и фабрик.

Эта задача стоит сейчас перед всеми организациями, ведающими рабочим снабжением.

Кольцо огородов уже начало смыкаться вокруг Тулы. Первое место в этих огородах занимает коопхоз. В нынешнем году он удовлетворит потребительский спрос Тулы на 25 проц. Он даст тульским рабочим 2270 тонн капусты, 840 тонн огурцов, 224 тонны моркови, 300 тонн свеклы, 100 тонн петрушки, редиса и салата и 1300 центн. молока. Цены на все продукты будут ниже рыночных и контрактационных цен.

— Но это не все, — говорит т. Антишин и снова развертывает карту. Впоследствии наши границы будут еще более раздвинуты. Коопхоз будет удовлетворять потребительский спрос Тулы полностью.

Рабочие огорода за обедом.

„НАТИСК“

(Сборник тульской ассоциации пролетарских писателей).

(Издание Окросоавиахима, 1930 года, стр. 56, тираж 2500).

В сборнике напечатано несколько стихов, один рассказ, один очерк и два отрывка из двух повестей.

Проглядывая бегло сборник, невольно цепляешься за некоторые вещи, поднимается интерес к сборнику и незаметно для себя начинаешь читать залпом—от первой и до последней страницы.

С большой художественной наметкой, с переходом местами в тоны широкого эпического полотна, развертывает тов. В. Старцев в своем отрывке «В тайге» (из повести «Бураны») жизнь и борьбу сибирских партизан.

Как живые поднимаются крестьяне—партизаны Никита Лаптев, Пашка, Старик Аким—«крестьянин от земли» и др. Вот старик Ксенофонт. Он привык к старым порядкам и в партизанском движении видит только отрицательные черты:

— «Эх, ну ни в жисть не думал, что в разбойники попаду», но он не захотел отстать и делит с партизанами и их горе и их радости.

Вызывает презрение к себе поп расстрига Соловьев, случайно попавший в ряды партизан Он, как опухоль на здоровом теле крестьянского революционного движения, скоро прорывается, обнажая свою продажную поповскую натуру. Он изменяет и предает партизан, подружившись с белогвардейской сестрой милосердия.

Боевая работа партизан в тылу белогвардейских войск запечатлевается. Картинки захвата белогвардейского парохода партизанами, набег и захват городка ими же пробуждают чувства симпатии к героической борьбе партизан. И т. Старцев все это подает простыми, но художественными образами, избегая вычурности языка.

Читается отрывок «В тайге» легко и к концу последних строчек хочется читать еще и еще. Пробуждается сильный интерес ко всей повести. Нам кажется, не плохо бы сделала тульская ассоциация пролетарских писателей, если бы выпустила отдельной книжкой всю повесть «Бураны».

Отрывок из повести тов. М. Кольчугина—«Шахты зовут»—композиционно и стилистически сделан несколько наивно и вяло. Правда, попадаются куски, где у автора начинает как будто подниматься настоящий художественный захват читателя, но все это быстро теряется в простом и ученически последовательном пересказе об общественной работе одного шахтера. И это не удивляет—это одна из первых работ т. Кольчугина (написана в 1925 г.).

Рассказ Ф. Кузнецова—«Степь в огне»—имеет свои достоинства: автор показывает, что он начинает овладевать художественным пером. Есть уже умение в немногих словах сказать нужное.

С настроением сделаны стихи у Мих. Рудина—«Тревога», «Амур» и у Б. Сенопальникова—«Дальневосточной».

Сборник вполне заслуживает внимания пролетарского читателя.

Иван Злой.

НАША САМОКРИТИКА.

Поэтическое бахвальство, или до чего доводит самовлюбленность и самолюбование своим „талантом“.

ПОЭТЫ—народ чуткий. И яркий луч солнца, и легкий шелест весеннего ветерка иногда, неожиданно для самого поэта, пробуждают в его «душе» симфонию мировых проблем.

Окрылившись «особым вдохновением», поэт в такие минуты высокого поэтического напряжения отрывается от суровой и закономерной действительности и парит, не подчиняясь «ни власти, ни закону», в туманных далях.

Пользуясь пролетарской критикой, мы не пропускаем ни одного случая, когда нужно «одернуть» самовлюбленно-очарованного величием своего «таланта» того или другого нашего поэта или писателя.

Тов. Сергей Володин не раз печатал в журнале «Молот» и прилично-сделанные и не плохие по содержанию стихи. Но вот пролетела мимо него какая-то тучка старой идеологии и «воспрянул» Володин, и «вдохновился», и полетел, закружившись в вихрях поэтического самобахвальства.

Не хорошо это, конечно, для молодого поднимающегося поэта, но мы его не бьем за это «до бесчувствия», а здоровой пролетарской, товарищеской критикой укажем его «буржуазные залеты» и этим, надеемся, предостережем других молодых пролетарских поэтов от повторения Володинских ошибок.

Написал недавно т. Володин стихотворение «О себе, как о поэте» (отрывок из поэмы) и сдал в журнал «Молот».

Стихотворение по размеру—небольшое. Всего 78 строчек, а при нашей разбивке (как мы будем полностью цитировать это стихотворение при разборе),—всего, примерно, строк 37.

Дело, очевидно, не в гонораре. Не ради денег писал т. Володин свое стихотворение. Другие, более возвышенные цели, думаем мы, руководили Володиным. И вот в этом-то главном, в идеологической, так сказать, целеустремленности и ценности этого стихотворения мы и попробуем разобраться.

Тов. Стрекопытов, рецензировавший это стихотворение до нас, дает, дословно, о нем такой отзыв:

— «В «Молот».—Думаю, что вполне подойдет. Ново, выдержанно, читается очень легко».

Не будем, пока, опровергать т. Стрекопытова, а давайте, товарищ читатель, строчка за строчкой прочитаем и разберем все стихотворение. Начинается оно так:

«Хвалить себя сегодня в моде,
Я жалею, что это не сдали в архив.
Говорили мне: вы талантлив, Володин,
Но только грубы все ваши стихи».

И сразу же возникает вопрос: откуда это? Кто и когда выдумал такую «моду», чтобы «хвалить себя сегодня?..»

Относительно того, что кто-то т. Володину сказал, что он — Володин — «талантлив» и что «грубы» его, Володина, только стихи—спорить не будем. Мало ли что говорят. На всякое чихание—не наздравствуешься! Да и сам Володин по этому поводу, как видно, не особенно беспокоится:

«А мне наплевать на эти советы,
Мне шубы из них, конечно не шить»,—

говорит он дальше, но тут же впадает в некоторое поэтическое раздумье:

«Кто не пробовал жизни поэта,
Тот скажет: «—что ж им, сиди и пиши...»

Но это—на одно мгновение. Раздумье сменяется бодростью, и Володин переходит к серьезному об'яснению о том, какая почетная и важная работа — «стихи создавать».

Не верь, мой читатель,
Бессмыслице этой,
Стихи создавать трудней
И почетней, чем сметы...»

Что там—какие-то сметы на постройку гигантов заводов и фабрик?! Эти—всякие сметы — несколько хороших инженеров всегда составят, а вот «стихи создавать»—дудки!—тут уж никакой инженер не поможет! Это—«трудней и почетней, чем сметы!» Ах, Володин, и до чего же вы легко и дешево расцениваете сметы нашего социалистического строительства!

И дальше Володин продолжает «в том же духе», но немного, для приличия, покрывает свои стихи легкой грустью:

«Я клянусь поэтическим словом,
Славы не купишь за ломаный грош,
Но только беда:
Поэтов до черта у нас новых,
А мысли истерты, как пара галош.
Что ж поделать, коль некоторым лестней
Воспевать пейзажи, прогнившую похоть.»

И тут же Володин переходит к картинному изображению своей персоны:

«Я же призван от стихотворной плесени
Очистить лицо эпохи...»

Читатель! Ведь, это не шутка—«очистить лицо эпохи от стихотворной плесени»! Но Володин уверен в том, что он к этому призван, что «старушка—история» возложила на него эту «святую» обязанность, и он—Володин—не дрогнет перед трудностями и выполнит свой долг со спокойной и легкой «душой:»

«И навязывать совершенно
Себе не хочу
Ни классических муз,
Ни вдохновения.»

И за все это Володин знает, что он будет вознагражден:

«Бессмертие, конечно, и я получу
Собранием моих сочинений...»

Чего же еще человеку нужно? И особое «мировое задание» имеет и бессмертие ему обеспечено—живи, попрыгивай, «создавай» свои стихи для полного собрания своих сочинений. Но Володин не такой человек, чтобы притаиться и не рассказать, как он, Володин, будет работать и какая его, Володина, самая главная задача:

«Но не буду я эпигоном,
Я буду, надеюсь, иным,
Мне не падать в халтурную лужу,
Мне жизнь дана,
Поэзия и смысл даны—
На свете лучшее оружие.
И в этот мир и цех пера,
Где нетленен образ человека
Я призван песнями стирать
Всю пошлость нынешнего века...»

Этим и кончается стихотворение. И вот тут позвольте, т. Стрекопытов, и вас, как рецензента, попросить «на сцену». Вы говорите, что это стихотворение «ново» и «выдержанно» и что оно «вполне подойдет» для «Молота», как для журнала ассоциации пролетарских писателей. А не ошибаетесь ли вы, т. Стрекопытов!! На что нужна пролетарскому журналу самовлюбленная, пустая, побрекушечная игра слов, прикрывающая к тому же непролетарские мысли, непролетарскую идеологию?!

Ив. Ванин.

22523

К летней работе.

Опытом работы прошлого лета тульская ассоциация пролетарских писателей похвалиться не может.

Ассоциация не работала, может быть, за исключением некоторых ее членов. Но они тоже почти ничего ценного и актуального в своем творчестве за этот период не дали. Причинами этого, возможно, служило то, что правление не смогло поставить более правильную, повседневную работу в ассоциации, что правление не имело у себя твердого плана на летний период. Оно даже не сочло нужным за это время созвать общее собрание (ассоциация была распущена с мая и по сентябрь месяц).

В текущем году правление ассоциации должно учесть все эти промахи прошлогодней работы и не упустить ценнейшего времени года—летний период для творческой работы. Писатель в летнее время должен стремиться обогатить себя материалами для дальнейшего своего творческого роста.

Мы, несомненно, против всякой сентиментальной пейзажности, против всякой беспредметной лирики.

Мы за пролетарское мировоззрение в творчестве.

Наш художественный метод должен быть таким: меньше сочинительства, ближе к художественному показу реальной жизни.

Этого мы можем добиться при условии, если писатель действительно окунется в самую гущу массы, если писатель сможет подойти и подробно изучить: быт, запросы и настоящую жизнь рабочей и колхозной массы.

Что же для этого должно сделать правление ассоциации?

Оно должно добиться удлинения отпуска выявившимся писателям и поэтам, добиться посылки их на это время в колхозы, на шахты, в места крупнейшего строительства, где их также с большим успехом можно использовать на любой общественной и культурной работе.

Правлению, кроме того, нужно серьезно подумать об организации экскурсий и литературных выступлений на рудниках, на фабрично-заводских предприятиях, в колхозах.

Таким путем писатель близко ознакомится с рабочим и колхозным бытом, с жизнью производства, что в его творчестве даст явный и несомненный сдвиг в положительную сторону. Таким путем писатель закрепит связь со своим читателем.

С. В—н.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК РАБФАКА.

Литкружок ТАПП при рабфаке первое время, вследствие организационных неувязок со студорганизациями, работал с перебоями, в большей степени занимаясь оргвопросами. В кружке 20 членов. Творческий актив — 7 чел. Руководы кружка — члены ТАПП А. Ватажин и Ф. Кузнецов. Проработаны беседы: „О классовой борьбе в современной литературе", „О путях пролетарской литературы", „Дорев люционная рус кая дворянская и буржуазная литература".

АКТИВ КРУЖКА РАБФАКА.
Сидят: А. Савосин, И. Марков, А. Ватажин (руководитель),—стоят: Н. Шестов, С. Гусев, А. Ченцов.

На одном из по ледних занятий была проработана беседа о перестройке работы под углом решений сентябрьского пленума РАПП и февральской конференции МОАПП. Кружок решил: 1) наладить массовую работу по обслуживанию студенчества путем постановки в рабфаке цикла докладов и лекций о современной литературе с привлечением для этого педагогов-словесников; 2) приме ить форму соревнования в творческой работе; 3) регулярно посещать собрания ТАПП; 4) развернуть индивидуальную творческую учебу и пр. В теоретической работе кружка за последнее вр мя принимали практическое участие словесники рабфака (П. В. Шаблиовский, Н. С. Рождественский и Мощанский).

Отвечаем начинающим писателям.

Вл. Владимирову, дер. Басово. По стихам «Март», «Бабушка и внучек» заметно, что вы работаете над образами и рифмой. Это хорошо, вам необходимо об ратить внимание на содержание и ритм, т. е. музыкальность стиха. Писать вы можете, только надо больше работать над собой. Читайте пролетарских поэтов, учитесь у них.

М. Хруслову, Тула. В стихотворении «Не мешать» вами взята тема сегодняшнего дня, но вы с ней не смогли справиться.

«Эх, ты, «папа», дух лукавый,
Распались все твои мечты,
С позорной лживой славой
Теперь в миру остался ты».

Мало того, что эти строки непоэтичны, но они у вас получились какими-то наивными. Вы в своих стихах ничуть не характеризуете «папы». Работайте больше над стихами. Старайтесь вкладывать больше мысли.

В. Сальникову, Тула. В стихах «Весеннее» вы ничего нового не даете. Пролетарский поэт к весне, как и к прочим вещам и явлениям, должен относиться не как праздный наблюдате ь, а как человек со своим пролетарским мировоззрением. К тому же стихи сделаны очень слабо. Ни одного образа, ни одного хорошего эпитета.

В. Галкину, Тула. В ваших стихах «Жалкий человек» заметен явный пессимизм.

«Долго ль биться с бездушною силой
И в мучениях жизнь проводить.
Было б лучше спознаться с могилой
Разом чувства свои умертвить.»

Скажите, кому нужно подобное хныкание?

Галкину Вас. Епифанский район, дер. Куликовка. Ваши стихи сделаны очень слабо, во многих почти отсутствует рифма и очень плохо развита тематика стиха. При энергичной работе над собой вы, конечно, писать сможете. Не гонитесь за количеством, работайте над каждой строкой, только тогда добьетесь хороших результатов. Больше читайте, это вам очень поможет.

Курганову. Одоевский район. Очень хорошо, что вы замечаете новый быт, но вот передавать его в стихах вы еще не научились. Вы пишете о закрытии церкви.

«Теперь колокола церковные
Везем на трактор, на завод.
Нам надоели сохи-матушки
Им место в печку на подтоп.»

Здесь, во-первых, отсутствует рифма, во-вторых, во всем стихотворении нет четкого ритма, т. е. музыкальности стиха.

Балашову И., ст. Плехановo. В присланном стихотворении, как вы его называете, пишете:

«Текли сонные годы веками,
Лапти плел тут нам дед
И говаривал, там, где люди
Считались с богами, капитал рекордно царил.»

Эти строчки, конечно, ни в коем случае стихотворными назвать нельзя, так как здесь даже нет и намеков на стих. Это просто очень малограмотная запись, в которой не совсем легко разобраться.

Граеву, Тула. В стихотворении «Марш колхозников» вы нич го не даете. Это просто плакатные, местами малограмотные строчки:

«Мы красные колхозники
Строители земли»...

Скажите, нужен ли здесь эпитет «красные»? Само слово «колхозники» говорит за себя. Потом, какие «строители земли»? Знаем, что земля существует уже миллионы лет. Надо писать четче, яснее, работать вдумчивей.

Литконсультация.

Издатель газета „Коммунар". **Редакционная коллегия:** А. Ярцев, В. Старцев, С. Володин.

Тулокрлит 450. Типография Тулпечали. Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 2718. Тираж 4500 экз.